

В. И. Дерягин

Институт русского языка
АН СССР

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ
СЕВЕРНОРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XV-XVI ВЕКОВ
КАК ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Создание общей исторической лексикологии русского языка важнейшая задача русистики в настоящее время. Не изучив в полной мере истории словарного состава, нельзя получить и представление об истории языка вообще. Ведь только в лексике находит непосредственное отражение материальная и духовная культура народа, и только в исследовании лексики мы можем последовательно провести в жизнь принцип изучения истории языка в связи с историей общества. Однако почти все обобщения в истории русского языка до сих пор основываются на интерпретации сравнительно ограниченного круга явлений исторической фонетики и морфологии. В исторической лексикологии изучаются пока лишь частные проблемы, хотя работ в этой области выполнено и выполняется довольно много.

Перед изучающим словарный состав всегда стоят два вопроса: как достичь обобщимости исследования и его доказательности, с одной стороны (т.е. не утопить идею исследования в море конкретных фактов), и с другой стороны — как добиться достаточной полноты и обязательной для научного исследования исчерпанности в описании материала? Ответов на эти вопросы пока нет. Поисками путей, приближающих нас к созданию обобщающего труда — академической исторической лексикологии русского языка — занят был в последние годы своей жизни Ф. П. Филин. Этой проблематике были посвящены его последние статьи¹.

1. См.: Филин Ф. П. Проблемы исторической лексикологии русского языка. — *Вопр. языкознания*, 1981, № 1; Он же. О лексике древнерусского языка. — *Вопр. языкознания*, 1982, № 2-3; Он же. О словарном составе языка великорусского народа. — *Вопр. языкознания*, 1982, № 5; Он же. О некоторых особенностях лексики восточнославянских языков. — *Вопр. языкознания*, 1983, № 1.

Теперь они собраны в книгу, которая в ближайшее время должна быть опубликована как проспект темы "Историческая лексикология русского языка". В этой работе характеризуется методика исследования, основанная на фронтальном сопоставлении данных, которые собраны и описаны в славянских, далее по периодам — восточнославянских и русских словарях: этимологических, исторических (составленных по памятникам письменности различных периодов), диалектных и литературных восточнославянских языков. Многие в этой методике надо еще уточнить, провести изучение лексики ряда важнейших памятников языка, но общее направление ясно — это сплошное обследование словарного состава. Не произвольно подобранные примеры, не очерки по истории отдельных слов или групп лексики, а именно исчерпывающий охват материала.

Историк исходит из того обязательного правила, что языковое явление на всем протяжении своей истории изучается сравнительно-историческим методом — по данным живых языков и диалектов, а на этапе письменной истории языка также и по материалам, извлеченным из памятников письменности. Изучение памятников языка позволяет датировать изменения в лексике, часто в деталях проследивать семантическое развитие слова, так как в распоряжении исследователя находятся реальные речевые контексты.

Однако каждый, кто занимается историей слов практически, знает, что лексических материалов всегда слишком много, и в то же время их всегда не хватает. То не хватает ранней фиксации, то нужного звена в словообразовательной или семантической истории, то отсутствуют какие-то важные единицы для характеристики системных связей. Есть слова и целые пласты лексики, в древности которых мы не можем сомневаться, но которые вообще не представлены или представлены в письменных памятниках очень скупо. Само содержание письменной речи ограничивает возможности для проникновения в нее некоторых разрядов лексики. Это и многие названия бытовых предметов, диалектизмы, и, конечно, разговорная, эмоционально-экспрессивная лексика, многие слова звукоподражательного происхождения. В исследовании таких разрядов лексики можно рассчитывать, как на едва ли

не единственный источник, на ономастический материал, содержащийся в памятниках.

Традиция составления словарей литературного языка без имен собственных, к сожалению, была механически перенесена в диалектную и историческую лексикографию, хотя задачи диалектных и исторических словарей во многих отношениях принципиально отличаются от задач нормативных словарей литературного языка. Составители Словаря русского языка XI-XII вв. (СРЯ XI-XII вв.), начиная с 5-6-го выпуска, вводят в текст Словаря имена собственные, непосредственно связанные с русскими словами нарицательными. Но подборки этих материалов из письменных памятников специально не делались, в картотке Словаря, по которой он составляется, ономастических материалов немного.

Следует указать еще на одно обстоятельство. Историческая лексикология изучает историю не только тех слов, которые сохранились в современном литературном языке и в говорах, но и его утраты. А их было немало. Без представления о них историческое описание будет неполным и неточным.

Вот несколько примеров прозвищ-характеристик, извлеченных в основном из памятников севернорусской письменности.

Бакан, Бакуня, Бакула

Макарий Михайлов Б а к а н (АХУ П, р 28, 1550 г.);
Фома Михайлов сын Б а к а н о в брат (ГААО, ф. 191, оп. 3, р 6, 1570 г.).

В СРЯ XI-XII вв. б а к а н ъ (б о к а н ъ) приведено в двух значениях: 1. Название краски, с примерами XII в.; 2. Драгоценный камень - Торг. кн. XII в. ∞ XII в. (СРЯ XI-XII вв., 1, 67). С.Б. Веселовский отмечает имена Б а к а н Дмитриевич Тютчев, XII в., Зубцов Б а к а н и приводит сопоставление: "багровая краска из марены или червца" (Веселовский, 21). По М. Фасмеру, б а к а н в значениях "красный венецианский лак" и "краска кошениль" - турецкое заимствование (Фасмер 1, 109). Но прозвище вряд ли связано с этим заимствованием.

Более вероятно его связь с глаголом * б а к а т и ,

в котором мы имеем расширение основы на - к, представленной в * b a j a t i, по М. Фасмеру и О. Н. Трубачеву. В ЭССЯ приведен большой материал на * b a k a t i в значениях "болтать", "кричать", "ругать" и т.п. из южно-, западнославянских языков (ЭССЯ 1, 142). В русских говорах глагол б á к а т ь — только у В. И. Даля в значении "говорить, разговаривать с помехой "зап." (Даль 1, 39). М. Фасмер с этим глагольным корнем связывает б а к у н (я) "болтун" (на слово б а к у н я приведен большой материал в СРНГ П, 64) и высказывает предположение о том, что фамилия Б а к у н и н, возможно, происходит от этого слова (если не от уменьшительной формы имени А в в а к у м, А м б а к у м). Еще более определенно у С. Б. Веселовского: "Б а к у н я, Б а к у н и н н: Б а к у н я Голощапов, крестьянин, 1579 г., Шуя; Иван и Михаил Ивановичи Б а к у н и н н, 1568 г., Ярославль. Б а к у н я — краснойбай, ловкач, проныра, егоза" (Веселовский, 22). О. Н. Трубачев относит сюда же б а к у л и т ь "говорить, пустословить", отмеченное в саратовских и ярославских говорах (ЭССЯ 1, 142). Ср.: б а к у л ы "пустые слова, болтовня". Попыта наказываль, а другой усом подергиваль; я де и самъ бакули знаю. Сим. Послов., 135. ХУП в. (СРЯ XI-XV вв. 1, 67). В составе русского именника: Б а к у л а, крестьянин, 1495 г., Новгород (Веселовский, 22).

Мотивированность прозвища семантикой указанного глагольного корня закономерна для прозвищ вообще (б а к а н, как и б а к у н я, б а к у л а — "болтун"); суффикс -ан в названиях лиц в русском языке представлен довольно широко. Но как нарицательное б а к а н (как и б а к у л а) не отмечено ни в памятниках русского языка, ни в говорах.

Баланда

Григорий Б а л а н д а Кирило(в) сын Орлов (ГААО, ф. 1408, оп. 1, л. 10. 1570 г.). У Н. М. Тупикова, С. Б. Веселовского наиболее ранняя фиксация — 1492 г. (Тупиков, 94; Веселовский, 23).

Слово б а л а н д а в СРЯ не зарегистрировано. В. А. Никонов, признавая неубедительность попыток объяснить прозвище из названия едн б а л а н д а (С. Б. Веселовский, Ю. А. Федо-

сик), со ссылкой на Н.Н.Бражникова, связывает его с диалектным вятским глаголом б а л а н д а т ь "плескаться в воде, возиться в грязи"². Между тем во многих русских говорах б а л а н д а "болтун, пустомеля, праздный человек" – костр. ярсл. дон. симб. калуж.; как прозвище – ярсл. волог.; бранное слово – волог. (СРНГ П, 72-73); сюда же, наверное, б а л а н х а "старинная пляска" – арх.; б и т ь б а л а н х у "выходить из себя, неистово кричать и метаться" – сиюл. (Даль 1, 42). Какова бы ни была этимология этого образования [можно предполагать дальнейшую связь б а л а н д а "болтун" с б а л а н и т ь "говорить, болтать" – арх. куйбыш. (СРНГ П, 74), этот глагол О.Н.Трубачев рассматривает в статье на праслав. * b a l a k a t i (ЭССЯ 1, 145)], так или иначе фиксации XV–XVI вв. имеют самостоятельную ценность для историко-лексикологических изысканий.

Бебяк

Семен Федоров сын Б е б я к о в (ГААО, ф.57, оп.2, л. 19. 1551 г.). У С.Б.Веселовского: Клич Б е б я к, крестьянин, 1495 г., Новгород; Богдан Митрофанов Б е б я к и н, посадский человек, 1632 г., Тотьма. Ср. в Дмитрове на границе с Радонежем село Б е б я к о в о (Веселовский, 30).

Только у Даля представлен глагол (б е к а т ь) б е б е к а т ь "мямлить в говоре" как южн. и зап. (Даль 1, 80). Здесь явно звукоподражательный корень.

Борбоша

Б о р б о ш а – в вятской купчей 1545 г.³ Ср. у С.Б.Веселовского: Б о р б о ш е в Федср, 1638 г., Москва; а также Б а р б а ш а : кн. Иван Александрович Б а р б а ш а Суздальский, конец XV в.; кн. Василий Иванович Б а р б а ш и н, последний в роде, опричник царя Ивана. Б а р б а ш а , б а р а б о ш а , б а р б о ш а – пустомеля, бестолковый, суетливый человек (Веселовский, 45).

2. Никонов В.А. Из словаря русских фамилий. – Русская речь, 1976, № 1, с.133.
3. Дерягин В.Я. Вохские грамоты XV в. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1964, № 3, с.251-252.

В памятниках как нарицательное не представлено. Зарегистрированы б о р б о т а т ь "бормотать" - арх. и б а р - б о ш и т ь "говорить самому с собой" - олон. (СРНГ III, 97-98). В АСС б о р б о т а т ь приведено как вариант в статье б о р и о т а т ь (АСС II, 76).

Ботало

Захарья Б о т а л о Степанов (АХУ II, р. 28, 1550 г.), слухка Макар Б о т а л о - в соловецких книгах (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 41, л. 8 об. 1642 г.). С.Б. Веселовский объединяет: Б о т а л о в Дмитрий (Митя), подьячий с приписью на Тотме, и Б а т а л о, крестьянин, 1545 г., Новгород; Дмитрий Б а т а л о в, подьячий, 1614-1617 гг., Тотма (Веселовский, 48).

В СРЯ XI-XII вв. отмечено только производное прилагательное в сочетаниях б о т а л ь н а я мерзеха (сѣть) с примерами из памятников последней четверти XII в. (СРЯ XI-XII вв. 1, 302).

Б о т а л о - перен. "болтун, пустомеля, врун", а также "ветреный, легкомысленный человек" и т.п. - очень широко распространено в севернорусских, уральских, сибирских говорах (СРНГ III, 129); б ó т а т ь "болтать, беседовать о пустяках, говорить вздор" (АСС II, 91).

Бучай

Васья Б у ч а й - в приходно-расходных книгах Соловецкого монастыря (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 41, л. 46. 1641 г.). У С.Б. Веселовского только Б у ч е н ь, Бучневн, Бученцов, Бучуга (Веселовский, 58-59).

Слово ни как нарицательное, ни как прозвище в словарях не попадает. Б у ч а н ь е "неистовство" с примером из Пчелы XIII в. и б у ч а т ь "глухо шуметь, гудеть" в Толк. Палее XIII в. и в памятниках XII в. отмечены в СРЯ XI-XII вв. 1, 360. Глагол б у ч а т ь "гудеть", "реветь, мычать (о корове)", а также, что особенно важно, "громко плакать, реветь, визжать беспрестанно (о детях)" имеет широкое распространение в русских говорах, отмечен от него и ряд производных (СРНГ III, 328).

Звукоподражательная основа представлена в праслав.
* ъ и ѣ а т і и * ъ и ѣ а, распространенных в современ-
ных славянских языках довольно широко (ЭССЯ III, 73).

К сожалению, среди практических диалектологов, особенно начинающих, бытует представление о подобных словах как о поздних образованиях или даже "окказионализмах". Между тем это древнейшие пласты лексики. Обстоятельства создания письменных текстов не способствовали отражению подобных слов в письменности, предубеждение удерживает от регистрации их в современных говорах. Но едва ли можно представить себе живой язык без них.

Бобоша, Бобушка

Володимер Михайлов сын Б о б о ш и н (ГААО, ф. 14СЗ, оп. 1, л. 3. 1543 г.). Прозвище Б о б о ш а С.Б. Веселовский отмечает с первой половины XV в. (Веселовский, 41-42).

Едва ли не единственная словарная фиксация: б о б о ш а "человек, который много бобочет, говорит без толку" - Охан. Перм. (СРНГ III, 38).

Связано с праслав. глаголом * б о б о т а т і, в значениях "бубнить", "болтать", "говорить невнятно", известного как во всех восточнославянских, так и в лужицких языках; также * б о б ѣ т а т і, представленного в старочешском и современном чешском языке (ЭССЯ II, 143). Ср.: б о б о - т а т ь (СРНГ III, 37; АОС II, 39).

Возможно и предположение о непосредственной связи с б о б о ш - к а "бугорок на коже, прыщик" (ПОС II, 55). О.Н. Трубачев настаивает на связи удвоенных основ, представленных в * б о б ѣ и * б а б а: "отношения между такими образованиями надо трактовать с учетом проблемы так называемого элементарного родства; иногда сюда причисляют и то, что объединяется под названием детские слова" (ЭССЯ II, 148-149).

Семантически и эта мотивация в прозвище вполне оправдана: принцип названия "гладкая кожа - негладкая" встречается во многих образованиях, ср.: Стефанко Алексеев сын Б о б у ш к и н - в каргопольском документе (ГААО, ф. 792,

оп. 1, в 19. 1602 г.). Б о б у ш к и "оспа, оспенные пятна" — новг., "корь" — пск. (СРНГ Ш, 39). По происхождению, несомненно, связано с корнем, представленным в праслав. *bъbъ звукоподражательного характера, по О.Н. Трубачеву (ЭСЯ П, 148-149).

Древних прозвищ со звукоподражательным б о б - / б а б -, имеющих различное суффиксальное оформление, в русском ономастике, видимо, может быть обнаружено довольно много.

Прозвища-характеристики дают ранние употребления множеству слов, в качестве нарицательных в памятниках не фиксируемых или представленных очень скупо.

Блелый

Леонтей Федоров сын Б л е к л о в о — в каргопольской данной записи (ГЛАО, ф. 792, оп. 1, в 13. 1592 г.). У С.В. Веселовского: Михаил Яковлевич Б л е к л ы й, конец XV в., Новгород; несколько Б л е к л ы х в 1568 г. в Ярославле (Веселовский, 40).

Прилагательное отсутствует в СРЯ XI-XV вв. В отношениях формальном и семантическом нет затруднений в связи с б л ё к л ы й "худославный и бледный; худосочный (о человеке)" — арх. олон. челяб. свердл. (СРНГ Ш, 17). Семантическая параллель в прозвище В я л ы й: Кузнецка Нефед (ь) ев сын В я л о (г) о (ГЛАО, Переписные книги Ступинской вол., л. 10. 1623-1624 г.); В я л о г о Евстафий Яковлев, послух, 1476 г., Кострома; Петр В я л ы й, крестьянин, 1606 г., Арзамас (Веселовский, 75). Ср.: в я л ы й "лишенный сил, вялый" в рукописи XVI в. (СРЯ XI-XV вв. Ш, 287).

Широкое вовлечение ономастических материалов в исследование по общей исторической лексикологии русского языка требует предварительных манскаций в области семантической типологии и географии русских прозвищ и фамилий. На необходимость таких манскаций справедливо указывает В.А. Никонов⁴.

4. См.: Никонов В.А. Северные фамилии. — В кн.: Этимология. 1978. М., 1980, с. 134-135.